

Кузен Бенджи появился, как всегда, поздно, Флоренс уже думала, что он не придет.

Она просидела у себя в комнате весь вечер, не спустилась к ужину, отговорившись головной болью. От слез голова и правда разболелась, стала тяжелой, а в глаза словно кто-то швырнул песок. Когда Бенджи постучал, Флоренс как раз пыталась прикладывать к ним компрессы с цветочной водой.

Он принес поднос с куском сладкого пирога и чашкой чая.

— Я подумал, ты будешь голодна.

Флоренс и правда очень проголодалась — настоящей леди полагалось обладать не волчьим аппетитом, а птичьим, но рядом с Бенджамином Силбером можно было снять все маски.

— Что сказал отец? — спросил он, устраиваясь в кресле, пока Флоренс с аппетитом поедала пирог.

— До середины осени я буду помолвлена, он сам выберет мне жениха.

— Сам? — Бенджи приподнял брови. — Как именно он сказал?

Флоренс ненадолго задумалась и смахнула приставшую к губам сахарную крошку.

— Что сам выберет мне мужа, чтобы я не запятнала честь нашей семьи, как моя мать.

Она нахмурилась: даже сейчас эти слова прозвучали так, что захотелось отмыться. Флоренс сегодня уже мылась — горничные косились на нее неодобрительно, еще бы, сиротка-приемыш решила воспользоваться ванной и заставила их таскать воду! Но после беседы с дядюшкой и отцом Сэмюэлем Флоренс всеми силами пыталась смыть с себя воспоминания, а особенно запах ладана. До сих пор казалось, что от волос пахнет им, а не травяным мылом.

Бенджи молчал. Флоренс знала, что он думает, ищет решение — за маской светского щеголя и порядочного засранца скрывались хитрый, изворотливый ум и доброе сердце. Брови кузена сошлись на переносице, между ними пролегла складка, взгляд устремился куда-то на стену — там висели рамочки с засушенными цветами под стеклом. Но вряд ли Бенджи рассматривал их, скорее, был погружен глубоко в себя.

Его молчание отзывалось холодом в животе и пугающим чувством безысходности. Флоренс подавила желание всхлипнуть и сказала — голос, конечно, ее подвел:

— Я хочу сбежать.

— Куда? — коротко спросил Бенджи.

— У меня есть адрес мисс Лилиан. Из пансиона Святой Марты. Она живет где-то в городе и писала мне, что я могу обратиться к ней в случае нужды, — быстро-быстро проговорила Флоренс, опасаясь, что он перебьет

ее. — Я сбегу, а потом она поможет мне снять деньги со счета!

Она обдумывала это весь остаток дня, решала в голове, как задачу по арифметике, — арифметику мисс Лилиан и преподавала. В голове Флоренс все было ясным, как божий день, и простым, как слова молитвы. Ведь мисс Лилиан так много говорила о том, что женщина может выбрать иные пути! И обещала Флоренс поддержку в случае чего.

— Фло, — только и сказал Бенджи и перевел взгляд с гербария на кузину.

Ласковый, но осуждающий взгляд.

— Что? — Флоренс поставила чашку на блюдце. — Это звучит как план побега!

— Фло, — повторил Бенджамин твердо. — Мисс Лилиан может быть не до тебя. Ты хотя бы пыталась узнать, где именно она живет? Чем занимается? Может быть, нужда — это не нежеланное замужество.

Но Флоренс не слушала его. Она вскочила и помчалась к постели — в прикроватной тумбе в шкатулке с хитрым замочком, изобретением отца Флоренс, хранились письма. Важные письма. Дорогие письма. Письма, которые никто не запрещал получать, но Флоренс все равно чувствовала себя неуютно, когда отвечала на них, словно ходила по лезвию.

Потому что мисс Лилиан уволили: арифметика и другие науки смущали девичий ум, воспитанницы становились нервными и слишком много думали. Делать цветы из бумаги и обучаться ведению домовых книг куда приятнее и полезнее для будущих жен и матерей. Многих вообще забрали из пансиона: родители боялись, как бы другие наставницы не последовали примеру мисс Лилиан. Флоренс уехала несколько месяцев назад, одной из

последних: дядюшка долго не хотел забирать ее, потому что заплатил за учебу вперед, но в итоге сдался и он.

Флоренс любила писать письма и получать их — она тратила подаренные ей деньги на конверты, бумагу, открытки, ленты, которыми перевязывала аккуратные стопочки своей корреспонденции. И почерк у нее был превосходный.

Так что общение с бывшей наставницей здесь, в столице, она продолжила, выведав нужный адрес у одной из знакомых по пансиону. Писем — коротких, емких, будто мисс Лилиан сэкономила и фразы, и бумагу или боялась, что в случае, если письма обнаружат, ее слова повредят бывшей ученице, — было мало. Флоренс вытащила одно из стопочки и протянула кузену.

— Здесь адрес.

Бенджамин бросил короткий взгляд на ровные чернильные строки и с печальным смешком вернул конверт:

— Это трущобы, Фло. Темная утроба города. Чем бы сейчас ни занималась мисс Лилиан, поверь, она будет рада, если ты не станешь искать ее в этих местах одна.

— Но ты пойдешь со мной! — заявила Флоренс так уверенно, словно он не мог отказать ей. Не мог же?

Бенджамин улыбнулся.

— Нет, милая, — сказал он.

Руки Флоренс опустились, плечи поникли. Отказ был что удар под дых, вновь захотелось расплакаться. Бенджамин встал с кресла. Он подошел к столику, на котором стоял графин с водой — на дне, конечно, волшебный холодный камешек, сохраняющий ее свежей и прохладной, — наполнил стакан и отдал Флоренс.

— Послушай, — начал он вкрадчиво. — До осени еще уйма времени. Есть шанс придумать что-то более

надежное, чем мисс Лириан. Я разужнаю о ней, если тебе это важно.

— Обещаеть? — Флоренс подняла на него взгляд.

— Обещают, — сказал Бенджи. — Но и ты пообещай мне подумать как следует. Бегство, Флоренс, не всегда означает свободу.

Бенджамин был предельно серьезен — даже странно для того, кто, по мнению собственного отца, мог лишь прожигать жизнь и фамильное состояние. Впрочем, возможно, лорд Силбер не хотел видеть в сыне кого-то другого, а Бенджи со временем утратил желание показывать отцу этого другого себя. Вот и изображал безалаберного повесу, пока мать, сестры и сам Оливер Силбер маячили где-то рядом.

С Флоренс он был настоящим. Потому что в ней лорд Силбер тоже отказывался видеть кого-либо, кроме дочери Аделины — глупой, бесстыдной, порочной, неправильной Аделины, посмевающей сделать не тот выбор, который ждала от нее семья.

— Ладно, — сказал Бенджамин и ласково дотронулся до плеча кузины. — Час уже поздний. С утра думается лучше, так что ложись спать, Фло.

Она скупо кивнула, не поднимая взгляда от стакана. Вода дрожала. В пальцах Флоренс появилась знакомая слабость, в горле — легкая щекотка, идущая откуда-то из груди. Верный признак надвигающегося приступа.

— Фло?

— Минуту!

Она бросилась к туалетному столику и поставила стакан на него — так резко, что вода едва не выплеснулась. Среди пузырьков и баночек, хрустальных, фарфоровых и из темного аптечного стекла, Флоренс пыталась найти

один-единственный серебряный флакон с прочной защелкой и именной гравировкой.

Бенджамин замер, поняв, что произошло. Странная болезнь, спутница Флоренс с самого детства, иногда возвращалась — в минуты волнений, к примеру, или после других недугов. Или когда происходило что-то, способное выбить ее из обычного почти спокойствия — того, с которым добрая, ироничная Флоренс переживала почти все невзгоды. В прошлый раз приступ чуть не случился в пансионе незадолго до отъезда. Бенджамин знал о нем из письма кузины.

За одним могли последовать и другие, так что Флоренс держала рядом пилюли. Одну она и проглотила сейчас, запив водой.

Бенджамин с тревогой наблюдал, как Флоренс стоит, прислонившись спиной к стене и прикрыв глаза, и дышит — правильно, размеренно, так, как учил ее врач, прописавший пилюли и выдававший на них рецепт. Раз в полгода рецепт приходилось обновлять; для этого врач приезжал в дом в один из дней, когда леди Кессиди Силбер не ждала никаких гостей.

Это было совсем не то, чем семья могла бы гордиться. Бенджамин, по его собственным словам, не знал, что в глазах отца хуже: поступок Аделины или болезнь, которая сидит в ее дочери. Возможно, Оливер Силбер видел в этом что-то сродни воле providения, наказание ребенка за грехи его матери, но за услуги врача платил исправно и за пилюли тоже.

Рецепт хранился у Флоренс, лежал в надежном месте, а до ближайшего визита врача оставалось чуть больше полутора месяцев.

Флоренс, в спешке и панике сегодня придумавшая план побега, почему-то забыла включить в уравнение одну переменную — того, кто заплатит за услуги лекаря и за само лекарство, если она сбежит от Оливера Силбера к женщине, живущей в трущобах.

— Ох, дорогая! — Леди Кессиди всплеснула руками. — Я так за тебя рада!

Радость на ее лице была неподдельной, только — Флоренс могла поспорить на золотой, припрятанный под нижним бельем в комод, — радовалась леди Кессиди не тому, что девица-приемыш, подопечная ее мужа, наконец обрела какую-то определенность в судьбе. Нет, радовалась она совсем иному: теперь-то эта девица из дома исчезнет, ждать остается недолго, до середины осени — а то и меньше.

— Что вы, тетушка! — Флоренс опустила ресницы и осторожно сделала глоток кофе из маленькой фарфоровой чашечки. — Я пока не получила ни одного предложения!

— Ах! — Леди Кессиди прижала руку к груди. — Я уверена, Оливер все быстро уладит.

Флоренс не сомневалась в этом, только вот радоваться не могла.

Была пятница, и в женской гостиной за завтраком пили кофе с булочками, а не травяной чай, как обычно. Леди Кессиди сидела на софе, раскинув юбки, слишком пышные для утреннего платья. Волосы ее, намотанные на папильотки, скрывала шелковая косынка, а под глазами белел толстый слой крема — какой-то очередной «Чудодейственный целительный вондеркрим мистера

Н.», выписанный по каталогу. Леди Кессиди очень любила каталоги и выписывала по ним все «чудодейственное» или «волшебное».

Дженни, младшая дочь Силберов, страсть матери разделяла. Баночки, бутылочки, коробочки, от которых пахло аптекой, а также всевозможные хитрые устройства вроде охлаждающих камней для снятия отеков заворачивали ее и манили, как сороку — блестящие безделушки.

А вот Матильда, старшая, презрительно кривила нос.

Они были здесь обе: белокурая красавица Дженни, чертами лица пошедшая в мать, а мастью в Силберов, и хмурая, надувшаяся как мышь на крупу Матильда. С книгой, конечно, хотя в обществе считалось, что чтение для девиц — напрасная трата времени и враг красоты.

Должно быть, в случае с Матильдой леди Кессиди просто махнула на все рукой: ее старшая дочь была паразитически некрасива. От Бенджамина Флоренс слышала, что один из самых несдержанных на язык повес сочинил как-то про Матильду стишок, где сравнил ее с большой злобной жабой. Ужасно — Флоренс, случись с ней подобное, никогда не вышла бы из дома и даже из комнаты и вообще умерла бы от рыданий, но Матильда то ли не знала о стихотворении, то ли умело прятала переживания где-то в глубине своей души.

Рот у нее и правда был жабым — слишком широким и тонким, а глаза очень злыми. Умными и злыми. Матильда понимала, что ей, в отличие от дурочки-сестрицы, не стоит ждать от мира подарков. Это Дженни могла взмахнуть ресницами — и подарки падали к ее ногам, на тарелке оказывалось самое вкусное пирожное,

а отец, ворча, подкидывал немного монет на ленты и мороженое. Матильде лент и мороженого тоже хотелось, поэтому она научилась быть тем, кого отцу так не хватало и кем так и не стал Бенджамин. Умным ребенком. Любимой дочерью, на которую можно положиться и таланты которой стоят не меньше, а то и больше, чем красота и нежное очарование другой.

Флоренс знала, что из этих двоих больше опасаться стоит именно Матильду. Дженни, впрочем, тоже умела вонзать острые коготки в чужую плоть и душу.

— Мама, — сказала она серьезно и тряхнула головой так, что серебристо-белые локоны изящно скользнули по плечам. — Почему папа выдает замуж сначала ее?

Пухлые губки Дженни обиженно дернулись, жабий рот Матильды, наоборот, скривился в ехидной усмешке, тут же прикрытой книгой, пока мать ничего не заметила. Флоренс постаралась сохранить спокойствие, такому в пансионе тоже учили, и учили хорошо. Можно сказать, доходчиво.

Дженни стоило бы задать этот вопрос не в присутствии Флоренс, конечно, а еще лучше — когда окажется с матерью наедине. Чтобы не дать сестре повода язвить насчет иных бестолковых девиц, неспособных удержать язык за зубами. Впрочем, Флоренс иногда ловила себя на мысли, что кузина совершает глупости не потому, что сама глупа, нет, Дженнифер Силбер хорошо понимала, что некоторые вещи сойдут ей с рук, если все будут считать ее очаровательной дурочкой. Даже подлость или воровство, главное — не попадаться.

— Дженни, будь добрее, — невозмутимо ответила леди Кессиди. Несмотря на крем под глазами, она нахмурилась и покачала головой. — Флоренс — племянница

вашего отца и ваша кузина. Вам следует с уважением относиться к его решению дать ей место в доме и шанс на счастливое будущее. Дорогая, — сказала она уже Флоренс. — Мой муж сам займется выбором достойного молодого человека, я правильно понимаю?

Флоренс вздрогнула: вопрос вырвал ее из глубокой задумчивости, да и сам по себе был не особо приятен.

— Если я правильно поняла дядюшку Оливера, — медленно проговорила она, подбирая слова так, чтобы они прозвучали как можно нейтральнее, — то да, леди Кессиди, он намеревается сам заняться поисками.

А тебе, дорогая Флоренс, лишь останется принять его волю, а затем и волю того, кого выберут тебе в мужья.

От этой мысли в животе шевелилось что-то неприятное и холодное и губы немели. Интересно, другие девушки так же принимают свою судьбу?

Леди Кессиди вдруг фыркнула, словно Флоренс сказала что-то одновременно возмутительное и забавное.

— Мой муж — умнейший человек. Но что-то мне подсказывает, что он совсем ничего не смыслит в брачных сделках. Товар, милая, нужно показать лицом, — сказала она деловито и подняла палец. Дженни наострила уши. — А ты то заперта в пансионе, то в стенах своей комнаты, то в монастыре Святой Магдалены...

— Я занимаюсь благотворительностью, леди Кессиди, как того желает дядя. С позволения отца Сэмюэля, как полагается благочестивой девице. Вы же знаете...

— Ах, оставь! Мои дочери не раздадут милостыню и не учат приходских детей чистописанию. Становятся ли они от этого менее благочестивыми? — Леди Кессиди потянулась за хлопковой салфеткой и начала почти раздраженно стирать крем. — Оливер слишком заиклен

на твоей матери, дорогая, — сказала она прямо. — И не хочет замечать очевидного. Ты симпатичная девчушка, Флоренс Голдфинч, всегда была. И если нужно выдать тебя замуж, я найду тебе жениха быстрее, чем мой муженек успеет составить брачный договор!

Флоренс чуть не выпустила из пальцев чашку. Воодушевление, которым загорелись глаза леди Кессиди, пугало даже больше, чем беседы с дядюшкой в кабинете. Чего ожидать от дядюшки, Флоренс знала. Примерно предполагала. А вот с его женой, своей тетей не по крови, а по закону, Флоренс общалась мало — меньше, чем было нужно, чтобы этот внезапный порыв выглядел искренним желанием помочь племяннице. Но все шло так, как предположил Бенджи: леди Кессиди обрадовалась, что бедная сиротка скоро уедет из дома. Значит, больше женихов достанется ее родным дочерям.

А вот они пока были скорее недовольны.

Лицо Дженни обиженно вытянулось, но прежде, чем она успела что-то сказать, Матильда ощутимо ударила ее пяткой по голени — тайный знак, что пора замолчать, пока никто не наговорил лишнего.

Леди Кессиди лениво встала с места и, проходя мимо Флоренс, почти ласково погладила ее по голове.

— Сегодня пойдешь с нами на прогулку в парк, — проворковала она. — Можешь начинать собираться. А я пока поговорю с Оливером.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

